

Марина Щербакова
(Гейдельберг, Германия)

Магистр, аспирантка кафедры истории Восточной Европы Гейдельбергского университета

Lehrstuhl für Osteuropäische Geschichte, Grabengasse 3-5, 69117 Heidelberg, Deutschland

E-mail: marina.shcherbakova@gmail.com

ID ORCID: 0000-0002-8773-583X

К вопросу о концептуальном развитии еврейского музея и этнографии евреев на территории Украины в 1917–1941 гг.

Аннотация: В статье пойдет речь о развитии еврейских музеев и изучении этнографии евреев в советской Украине в контексте государственной национальной политики и локальных научных и социально-культурных инициатив. Процесс формирования противоречивого интереса властей к созданию еврейских выставок после 1917 г. иллюстрируют проекты, возникшие и частично реализованные в Киеве. Музей еврейской культуры им. Менделе Мойхер-Сфорима, открытый в Одессе в 1927 г., должен был стать центральной репрезентацией новой советской еврейской культуры, однако, несмотря на первоначальную поддержку властей, изменение политического фона в начале 1930-х годов поставило под угрозу существование его коллекций. Многочисленные экспозиции, посвященные еврейской культуре, в краеведческих музеях УССР отражают динамику кампании коренизации и отголоски дореволюционных национальных движений. В статье анализируется процесс музеефикации еврейской культуры в межвоенное время как совокупность факторов национальной идентичности, социального конструирования, легитимации проводимой национальной политики и отношений между центром и периферией.

Ключевые слова: музей, коллекционирование, этнография, штетл, модернизм, Украина, Одесса

DOI: 10.31168/2658-3364.2019.1.1.2

Изучение еврейской культуры в Украинской ССР связано с собраниями предметов еврейской культуры, сформированными в ходе полевых исследований и активной музейной работы 1920–1930-х гг. Появившиеся в Украине коллекции предметов еврейской материальной и художественной культуры отражали коллективный исторический, политический и духовный опыт евреев Волыни, Подолии и Бессарабии, а также прилегающих областей

(Буковины, Галиции и т.д.). Коллективная память, составляющая основу национального культурного наследия, была предметом осмысления на временных выставках и постоянных экспозициях как в специализированных еврейских, так и в региональных музеях УССР. Новый общественно-политический уклад советского времени – как в контексте официальной идеологии, так и на индивидуальном уровне – требовал по-новому взглянуть на компоненты национальной культуры и традиции¹.

Архивные документы свидетельствуют о том, что в межвоенный период в Украинской ССР практика экспонирования предметов еврейской культуры и создания еврейских секций в краеведческих музеях была широко распространена (в отличие от других республик с крупными еврейскими общинами, где также велась музейная и этнографическая работа). Помимо коллекций киевской Культур-Лиги и Первого всеукраинского музея еврейской культуры им. Менделе Мойхер-Сфорима в Одессе, еврейские фонды собирались краеведческими музеями Бердичева, Чернигова, Винницы, Харькова, Белой Церкви, Каменца-Подольского, Полтавы и Тульчина, а также Всеукраинским историческим музеем в Киеве. В то же самое время в РСФСР, даже несмотря на образование в 1934 г. Еврейской автономной области, еврейские коллекции были сосредоточены только в Ленинграде и Москве: в музее Еврейского историко-этнографического общества, в Государственном музее этнографии, в Музее истории религии и в Центральном музее народоведения; окказионально устраивались еврейские выставки в Публичной библиотеке в Ленинграде [Сергеева 2003; Дымшиц 2009; Урицкая, Якерсон 2009; Иванов 2010]. В Грузинской ССР работал только Историко-этнографический музей евреев Грузии, созданный в Тбилиси при участии ленинградского этнографа И.М. Пульнера (1900–1942) [Tsitsuashvili 2013]. В Узбекской ССР, в Самарканде, существовал Туземно-еврейский музей, появившийся благодаря петербургскому историку И.С. Лурье (1874–1938) [Levin 2015]. Подобное распределение указывает на роль Ленинграда и Москвы как академического и политического центра, откуда задачи и методы построения еврейских музеев транслировались на периферийные области страны. Отличающаяся от этой модели более автономная практика изучения еврейской культуры в УССР представляется интересной в контексте интенсивного формирования общесоветской повестки в сфере культуры, науки и политического просвещения в 1920–1930-е гг.

В научной литературе по истории национального и культурного строительства СССР много сказано о политическом значении, которое советская власть придавала институтам массовой культуры и изучения народов нового государства. Национально-политический проект боль-

¹ Более подробно об этом см., например: [Martin 2001; Арзютов, Алымов, Андерсон 2014; Кан 2016; Карпов 2017].

шевиков в целом развивался по законам создания «воображаемого сообщества», описанным Бенедиктом Андерсоном [Anderson 2001]. Наравне с переписью населения, музеем и этнографии отводилась конструирующая роль, содержание которой корректировалось вслед за концептуальными изменениями на высшем политическом уровне. Партийные идеологи рассматривали любой исторический, этнографический или краеведческий музей как место массового формирования национального сознания советских народов. Как отмечает Франсин Хирш, создание новых национальных областей и национальных организаций было эффективным способом интегрировать национальные меньшинства в единое советское государство [Hirsch 2005, 14]. В глазах чиновников и ученых этнографический музей был местом, где создавали и распространяли официальный нарратив о преобразовании Российской империи в Советский Союз – нарратив, который подчеркивал процветание народов СССР под защитой советской власти.

На основании тезиса о взаимосвязи этнографии и государственной национальной политики настоящая статья ставит своей целью описать практику коллекционирования и экспонирования предметов иудаики в УССР как процесс из нескольких этапов. Данные этапы обуславливались сменой политических программ, соответствующими фазами развития этнографии и музейного дела, ростом городского населения, антирелигиозной кампанией, а также трансформацией духовной культуры и быта в условиях модернизации общества. Предлагаемое исследование позволит ответить на вопрос, в чем специфика обширного изучения и репрезентации культуры евреев в музеях УССР, развернувшаяся в очень противоречивых национально-политических условиях. С одной стороны, музейное строительство, как было сказано выше, получало широкую поддержку действующих правительственных органов. Более того, описываемые в настоящей статье музеи работали на фоне благоприятной для национальных культур Украины в целом и для евреев в частности политики коренизации². Например, в 1926 г. начинается формирование отдела греческой этнографии в Мариупольском музее краеведения; почти одновременно с еврейским музеем в Одессе открывается музей «Степная Украина», посвященный народам Одесской области и Бессарабии, в том числе молдаванам, болгарам, немцам; сельскохозяйственные достижения немецких колонистов были отражены в экспозиции Одесского краевого сельскохозяйственного музея им. К.А. Тимирязева и т.д. [ЦГАВОВУ, Ф. 413. Оп. 1. Д. 556. Л. 98; Солодова 2010, 43; Солодова 2004, 450]. С другой стороны, историю изучения евреев в УССР нельзя рассматривать вне контекста межнациональных отношений, тесно связанного с историей антисемитизма в Российской империи и в Советском Союзе. Несколько волн

² Подробнее о коренизации см.: [Куповецкий 2009; Martin 2001; Hirsch 2005].

еврейских погромов непосредственно предшествовали и частично сопро-вождали появление украинских еврейских музеев и коллекций в 1910–1920-е гг.³ Вне всякого сомнения, трагические для еврейских общин события, происходившие на рубеже XIX–XX вв. и в годы Гражданской войны, оказали влияние на восприятие еврейского культурного наследия как в еврейских, так и в нееврейских кругах Украины. В этой связи представляется крайне важным дать оценку еврейскому музейному делу как явлению, которое разворачивалось на пересечении взаимоисключающих политических идеологий и национальных движений.

Для понимания того, как протекал процесс музеефикации еврейского наследия, целесообразно обратиться не только к непосредственному содержанию фондов иудаики рассматриваемых музеев, но также к правительственным инициативам, реакции в прессе и личным отзывам в воспоминаниях и письмах. С точки зрения исследования советской научной среды в области иудаики необходимо также учитывать вклад старшего, «дореволюционного», поколения ученых, коллекционеров, художников, общественных и политических деятелей, в 1920-х гг. определявших работу с сюжетами еврейского культурного наследия вплоть до структурной трансформации советской этнографии после эпохального совещания этнографов Москвы и Ленинграда 5–11 апреля 1929 г. [Арзютов, Алымов, Андерсон 2014]. Дополнительными факторами развития музейного дела и этнографии в Украине были подъем украинского национального движения и возрождение интереса к еврейской культуре в начале XX в. Наконец, нельзя упускать из виду, что поиск новых концепций национальной культуры складывался в это время также под влиянием философских и эстетических идей западно-европейского модерна.

Анализ выставочных и музейных концепций интересен как материал, позволяющий реконструировать роль музеев в формировании новой национальной идентичности советского еврея – его культурных нарративов, визуального и языкового образа. В более широком контексте рассматриваемые музеи иллюстрируют развитие советского национально-политического проекта, опиравшегося на репрезентацию как основную пропагандистскую модель [Добренко 2007, 5]. Музеи были своеобразной рекламой советской национальной утопии и, как утверждает Евгений Добренко, играли в том числе «важную терапевтическую роль в обществе, будучи «массовым релаксантом и антидепрессантом» [Добренко 2007, 414]. В этой связи теоретизирование и методы этнографической работы характеризуют не только взгляды этнографов и музееведов на традиционную культуру евреев-ашкеназов, но также адаптацию музеев к тре-

---

³ Имеются в виду антиреволюционные еврейские погромы 1905–1907 гг. и погромы в период Гражданской войны, совершавшиеся в 1918–1921 гг. См.: [Abramson 1999; Будницкий 2005].

бованиям советской национально-политической доктрины. Динамика взаимоотношений между представителями науки и партийными функционерами раскрывает отдельные аспекты музееведения и обстоятельства исчезновения советской этнографии евреев, прекращающей свое существование еще до начала Второй мировой войны. Рассмотрение этих вопросов призвано дополнить существующие работы о еврейской этнографии в контексте национально-политического движения на рубеже XIX–XX вв. и о советизации еврейской культуры⁴.

Предыстория: еврейский музей и музейная политика в революционный период 1917–1919 гг.

В историографии принято считать, что за период 1917–1919 гг. власть в Киеве сменилась 14 раз [Миллер 2007, 91]. Вслед за политическими силами трансформировалась работа культурного сектора и музеев, хотя в силу непродолжительности этих периодов можно говорить скорее о тенденциях и планах, нежели о полномасштабной реализации инициатив по национальным делам каждым отдельным обновленным правительством. Положение еврейского населения в это время характеризовалось двумя противодействующими силами: масштабными погромами и сильными антиеврейскими настроениями в украинском обществе, с одной стороны, и правлением Центральной рады⁵, предоставившей равные права всем народам Украины, в том числе евреям, – с другой [Penter 2017, 112–113].

В июне 1917 г. Центральной радой было создано первое украинское правительство – Генеральный секретариат, включавший в себя отдел по национальным делам [Краткая еврейская энциклопедия 1996, 8, 1214–1216]. 15 июля 1917 г. был учрежден пост вице-секретаря по делам еврейской национальности (он был преобразован в генеральный секретариат в ноябре 1917 г.). С октября 1917 г. также начал действовать совещательный орган – Еврейская национальная рада, работа которой предполагала включение пяти делегатов от каждой еврейской партии. В январе 1918 г.

⁴ Исследования по данной теме: [Avrutin 2007; Борисенко 2006; Kilcher, Safran 2016; Kleinmann 2006; Safran, Zipperstein 2006; Safran 2010; Veidlinger 2016] и др.

⁵ Украинская Центральная рада была основана в марте 1917 г., ликвидирована после государственного переворота в апреле 1918 г. На начальном этапе представляла интересы украинских политических партий в Киеве. Согласно первому Универсалу в июне 1917 г. была провозглашена национально-территориальная автономия Украины в составе России, отмененная вторым Универсалом в июле 1917 г. После прихода к власти в России большевиков в ноябре 1917 г. Центральная рада издала третий Универсал, согласно которому была объявлена Украинская народная республика (УНР). После провозглашения УНР Рада выполняла роль высшего государственного законодательного органа [Довідник з історії України 2002, 952–954].

генеральный секретариат был реформирован в министерство по еврейским делам [Шехтман 2002, 35]. Появление этих органов и их краткосрочная работа⁶ стали беспрецедентным для еврейской истории политическим явлением, равно как и декларация национально-персональной автономии для национальных меньшинств Украинской Народной Республики (УНР)⁷. Уже в апреле 1917 г. Центральная рада принимает решение начать обследование памятников еврейской культуры, а также основать Музей еврейской старины [ЦГАВОВУ, Ф. 2581. Оп. 1. Д. 210. Лл. 4–4об.]. Данное постановление было подписано председателем Украинского комитета охраны памятников, академиком Н.Ф. Беляшевским (1867–1926), и обсуждалось в одном ряду с предотвращением вывоза еврейских исторических памятников за границу, созданием Национального музея-архива войны и революции, разработкой концепции строительства краевых музеев, восстановлением Андреевской церкви и возвращением украинских исторических реликвий из России.

Работу по формированию фондов будущего еврейского музея украинские власти поручили И.Б. Рыбаку (1897–1935), художнику из числа еврейских авангардистов, который позже войдет в состав киевской Культур-Лиги⁸. Вероятно, кандидатура Рыбака была ожидаема, поскольку, как следует из текста постановления, летом 1916 г. художник «вернулся из поездки, организованной при участии Центрального комитета охраны памятников истории и искусства на Украине для зарисовки и фотографирования еврейских памятников» [ЦГАВОВУ, Ф. 2581. Оп. 1. Д. 210. Л. 5]. Эта этнографическая экспедиция была вынужденно приостановлена из-за недостатка денег, однако Беляшевский ходатайствовал весной 1917 г. о выделении дополнительных средств в размере трехсот рублей для продолжения обследования местечек и собирания предметов для будущего музея. Он также предлагал устроить выставку серии этнографических

⁶ Министерство по еврейским делам и все национальные рады, включая еврейскую, а также закон о национально-персональной автономии были отменены в июле 1918 г. указом гетмана П.П. Скоропадского (1873–1945), ставшего главой украинского правительства после государственного переворота 29 апреля 1918 г. За переворотом Скоропадского, в результате которого реальная власть в Украине перешла к австро-венгерскому командованию, также последовала ликвидация Центральной рады [Краткая еврейская энциклопедия 1996, 8, 1217–1218].

⁷ Закон о национально-персональной автономии был принят 7 января 1918 г., одним из его авторов был министр по еврейским делам Украинской рады М. Зильберфарб (1876–1934). Согласно этому закону каждая из населявших УНР неукраинских наций получала право на самостоятельное устройство своей национальной жизни. В соответствии с законом, в январе 1918 г. прошли выборы руководящих советов шестисот еврейских общин Украины [Краткая еврейская энциклопедия 1996, 8, 1215].

⁸ О жизни и творчестве Рыбака см.: [Cogniat 1934; Wolitz 1987; Казовский 2003; Meidler-Waks 2012].

рисунков, выполненных Рыбаком во время экспедиции [ЦГАВОВУ, Ф. 2581. Оп. 1. Д. 212. Лл. 1–2].

В целом можно говорить о стремлении в высших украинских кругах сформировать культурный и исторический фонд многонациональной Украины, включающий в себя наследие евреев. Эта позиция отчасти была продиктована желанием дистанцироваться от политики царского правительства, к пережиткам которой Центральная рада относилась и происходящие в Украине погромы [Vetter 1995, 30]. Хотя исследователи отмечают сравнительное сокращение числа погромов в период Центральной рады, принципиальных изменений в ситуации обострившегося на фоне революционной борьбы антисемитизма не было [Penter 2017, 114]. В этой связи попытки создать в Киеве еврейский музей и выставку этнографических рисунков могли быть политически продиктованными мерами для снижения антиеврейских настроений в обществе.

Однако не только правительство УНР обращалось к истории и национальному вопросу, необходимым для политического регулирования. Каждая новая власть в Киеве начинала собственный процесс реорганизации музейного дела, предлагая оригинальное видение национальной культуры, которое опиралось на репрезентацию исторических и этнографических нарративов Украины. Примером тому может служить структура нового национального музея, которую в 1919 г. утвердил совет министров Директории⁹: «Музей будет состоять из отделов: а) художественно-ремесленного, б) художественного, в) археологического, г) исторического (светского и церковного), д) нумизматического, е) этнографического, и ж) библиотеки (отдел книг и рукописей)» [ЦГАВОВУ, Ф. 3689. Оп. 1. Д. 15. Л. 21об.]. Проводимая Директорией культурная политика была связана с уровнем общественной грамотности по Украине: «при текущих обстоятельствах, а особенно, если не упускать из внимания власти факт малокультурности населения – путь охраны культурно-исторических ценностей нации может быть только один – собрать их в соответствующий музей» [ЦГАВОВУ, Ф. 3689. Оп. 1. Д. 15. Л. 21]. Работа над реализацией этого плана продолжалась недолго, так как после установления большевистской власти Совет Народных Комиссаров Украинской ССР¹⁰ разработал новый проект музейного строительства.

⁹ Директория УНР – высший орган государственной власти, существовавший с декабря 1918 г. по ноябрь 1920 г. Директория УНР была основана в ноябре 1918 г. в ходе борьбы за власть в Киеве бывшими членами Центральной рады, ранее упраздненной гетманом Скоропадским. 14 декабря 1918 г. войска Директории под командованием атамана С.В. Петлюры (1879–1926) свергли власть Скоропадского и провозгласили восстановление УНР. 26 декабря 1918 г. был создан первый состав Совета народных министров УНР [Довідник з історії України 2002, 210].

¹⁰ Совет народных комиссаров УССР – высший исполнительный и распорядительный орган УССР в период 1919–1946 гг. СНК УССР был образован 29 января 1919 г. в ре-

Приведенные факты подтверждают тезис о том, что для представителей власти музеи являлись средством распространения информации, укрепляющей позиции главенствующих сил, а экспонируемые в музее предметы и рассказываемые с их помощью сюжеты были призваны конструировать «полезное прошлое» (usable past), необходимое для легитимации смены политического режима и оправдания жертв революции [Хмелевская 2016, 162]. Музейные экспозиции в данном случае, как составная часть публичной истории, отражали стремление власти создать себе такое прошлое, происхождение от которого объясняло бы текущие события и их правомерность.

Искусствоведы и историки, следуя указаниям сверху и приступая к комплектованию фондов для новых музеев, получали возможность не допустить уничтожение памятников культуры, судьба которых в это время вызывала беспокойство у многих специалистов. Об этом свидетельствует работа Отдела по охране памятников истории и искусства, которая разворачивалась при Центральной раде и при Директории, возглавляемой Петлюрой. Общества охраны памятников истории также функционировали в Чернигове, Полтаве, Ромнах, где опустевшие усадьбы украинской аристократии страдали от мародерских набегов крестьян и армии [Попова 1994, 88]. Спасение памятников и художественных коллекций в период революций и военных действий на территории Украины в 1917–1919 гг. становится важной задачей для киевской интеллигенции: «Музейные деятели работали, как пожарная команда, часто в опасных условиях, таская произведения на собственной спине» [Попова 1994, 87]. Из этой работы по сохранению исторического наследия в 1920-е гг. вырастет интерес украинских этнографов к исчезающим памятникам еврейской культуры.

Один из главных участников движения по сохранению культурного наследия Украины музеевед и историк искусства Ф.Л. Эрнст (1891–1942) подробно описал масштаб культурного ущерба революции в своем дневнике и в очерке «Художественные сокровища Киева, пострадавшие в 1918 г.» [Побожий 1993; Эрнст 1918]. Заметки Эрнста отражают траекторию реорганизации культурного фонда Украины. Мы читаем об эвакуациях и разграблении частных собраний, уничтожении архивов, музеев и выдающихся исторических коллекций при бомбардировке Киева силами Красной армии и в ходе уличных боев. После установления власти большевиков началась национализация частных коллекций согласно приказу Совета народных комиссаров УССР о передаче исторических и культурных ценностей в ведение Министерства просвещения (Наркомпроса) от 1 апреля 1919 г. Процесс изъятия художественных ценностей у представителей

украинской, в том числе еврейской, элиты дореволюционного времени задокументирован в дневнике Эрнста за 1919 г. [Побожий 1993, 130–131]:

31.5. привезли в Музей 11 корзин серебра из НКВД и милиции – присутствовали тт. Гольдар, Щербаковский, Гансен, Фаренгольц <...> 8.7. начали открывать личн[ые] сейфы в Нарбанке <...>. Открывали только у явно отсутствующих владельцев – таких, как Бродский, Кочубей, Гальперин и др. <...> В последующие дни попалась нумизматическая коллекция Артштема (?), удивительная шкатулка бронзов[ого] цвета и с фарфоровыми вставками с росписью. Шкатулка была полна миниатюр, табакерок, монет и пр. (помещика Рудницкого), ряд еврейских ритуальных предметов Рабинерзона, ящик фарфора Кочубея, серебро кн. Яшвиль, Гудим-Левковича, Давидовича, Ржевуского, нескольких поляков.

Известно, что наиболее ценные произведения искусства при подобной конфискации переходили из собственности украинской аристократии и коммерсантов, в том числе евреев, на хранение в Госбанк и Министерство финансов [Бауер 1999]. Прочим национализированным предметам искусства предстояло распределение между музеями. С учетом проводимого повсеместно изъятия религиозных ценностей из синагог очевидно, что в первые годы советской власти в Украинской ССР образовалось значительное число предметов еврейского наследия, подходящих для демонстрации в разрабатываемой одновременно новой системе музеев. Закупки экспонатов и формирование фондов музеев, имеющих национальное значение, поручались авторитетным на тот момент искусствоведам и этнографам, имевшим репутацию специалистов в той или иной области еще при старой власти. Этот факт положительным образом отразился на уровне проводимой работы, поскольку привлеченные консультанты являлись не только блестящими профессионалами, но и выдающимися подвижниками своего дела.

Примером подобной преемственности являлся упоминаемый в дневнике Эрнста этнограф Д.М. Щербаковский (1877–1927), еще до революции вошел в историю украинского музееведения как один из основателей Киевского художественно-промышленного музея и почетный член Украинской академии искусств, а также коллекционер предметов материальной культуры [Довідник з історії України 2002, 1103]. После образования УССР Щербаковский оставался ведущим экспертом в области этнографии украинцев. Кроме того, он продолжал исследовать памятники еврейской культуры и архитектуры, которыми занимался с 1906 г. [ЦГАВОВУ, Ф. 3689. Оп. 1. Д. 15. Лл. 13–14; Lukin 2016, 247; Котляр 2014, 889].

Таким образом, характерным обстоятельством музейной работы переходного периода 1917–1919 гг. была вовлеченность ученых старой школы. Подлежащая пересмотру музейная политика оставалась в ведении местных ученых, способных (или вынужденных) действовать в соответствии

с требованиями революции. Тем самым наполнение новых музейных проектов в это время получало множество отсылок к дореволюционным методам и практикам, которые в разной степени были связаны как с имперской этнографией, так и с появлением интереса к народной культуре в политически ангажированной среде. Для полного обновления музееведения было необходимо возникновение молодого поколения, прошедшего научную подготовку нового образца, что станет возможно только к концу 1920-х гг. [Слезкин 1993]. Перечисленные факторы подготовили почву для музейного строительства последующего раннего советского периода, но также, в совокупности с участием украинских ученых в культурной политике при Центральной раде и петлюровской Директории, заложили противоречия, с которыми украинским национальным музеям предстояло столкнуться при режиме большевиков.

Еврейский музей в национально-политическом контексте первых советских лет

Уже в первые месяцы после установления власти большевиков в Киеве СНК УССР приказал подготовить и реализовать культурные проекты с новым национальным содержанием. Главная задача этих инициатив определялась в апреле 1919 г. в циркуляре органов культуры и просвещения как «распространение правильной информации о работе советского правительства» [ЦГАВОВУ, Ф. 1738. Оп. 1. Д. 50. Л. 36]. Правительство также придавало значение обеспечению доступности дореволюционных коллекций искусства широким массам трудящихся. Это должно было служить для выполнения культурно-просветительных задач и определяло построение дальнейших советских исторических экспозиций.

В 1919 г. на месте отдела охраны памятников старины и искусства при Министерстве образования Украины был образован Всеукраинский комитет искусства и охраны памятников (Вукопис), проработавший до 1936 г. Кроме Беляшевского, Эрнста и Щербаковского, в него входили такие выдающиеся деятели культуры и науки Украины, как М.С. Грушевский, В.А. Шавинский, Г.Г. Павлуцкий и др. [Попова 1994, 84–85]. Функцию охраны памятников также взяли на себя Всеукраинская Академия наук и Чрезвычайная комиссия по охране искусства и старины. Работа этих организаций была направлена прежде всего на регистрацию, учет и сохранение памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц или учреждений. Такая необходимость была продиктована стихийным уничтожением напоминаний о культуре царского времени.

В первый год своей деятельности Вукопис ликвидировал в Киеве Музей национальной истории и искусства, Музей западного и восточного искусства (изначально частный музей Богдана и Варвары Ханенко) и собра-

ние Оскара Гансена. По решению Вукописа закрытые институции были заменены соответственно Первым, Вторым и Третьим государственными музеями [ЦГАВОВУ, Ф. 1738. Оп. 1. Д. 50. Л. 36]. Из отчета музейного отдела Вукописа следует, что весной 1919 г. предполагалось создание Музея церковного искусства (Четвертый государственный музей) и еврейского музея, который обсуждался в двух вариантах: как «Музей еврейских искусств» и как «Музей еврейской старины» (Пятый государственный музей) [ЦГАВОВУ, Ф. 1738. Оп. 1. Д. 49. Л. 58]. Для реализации проекта еврейского музея, который должен был расположиться в Киеве в здании Хоральной синагоги Бродского на Большой Васильковской улице, было выделено 23 000 рублей, однако упоминания об этом музее на этом заканчиваются [ЦГАВОВУ, Ф. 1738. Оп. 1. Д. 49. Л. 90].

Даже имеющиеся немногочисленные сведения о проекте еврейского музея в Киеве позволяют охарактеризовать несколько важных политических обстоятельств музейного строительства в первые годы советской власти. Инициатива превращения синагоги в музей не вполне закономерна с точки зрения ранней советской практики – переустройство крупных религиозных сооружений и передача их светским организациям происходила в массовом порядке во второй половине 1920-х гг., когда развернулась масштабная антирелигиозная кампания [Попова 1994, 111]. Хотя в Киеве был прецедент официального публичного суда над еврейской религией, устроенного Евсекцией в день Рош-ха-Шана в 1921 г., синагога Бродского оставалась действующей до 1926 г. [Краткая еврейская энциклопедия 1996, 4, 257]. Тем не менее, причин для открытия еврейского музея в Киеве в 1919 г. могло быть несколько. Во-первых, учитывая вовлеченность членов Вукописа в спасение исторических памятников, можно предположить, что еврейский музей рассматривался как надежное место для сохранения национализированных (конфискованных) религиозных ценностей, частных коллекций и тех предметов еврейского наследия, которые пострадали в годы Гражданской войны и требовали реставрации. Во-вторых, одновременное проектирование еврейского музея и Музея церковного искусства указывает на роль музея в пропаганде нового режима. Изъятие ритуальных предметов из повседневной жизни и перенос их в витрину музея должны были символизировать музеефикацию религиозной культуры. В музее религия как сильнейший общественный институт становилась пережитком прошлого, ценность которого сводилась к функционалу «полезной» истории. Кроме того, музей как научная институция, то есть место рационального знания, являл собой противопоставление религии как антониму науки. Тем самым изучение и презентация иудаизма или христианства в музее обозначали торжество атеизма и победу революции.

Наконец, появление еврейского музея как национального культурно-просветительского пространства позволило бы большевикам проде-

монстрировать реализацию лозунга о равноправии национальных меньшинств. Ввиду неустойчивой позиции большевиков в Киеве в 1919 г. проект музея мог также обсуждаться партийными функционерами как инструмент формирования взаимной лояльности еврейского населения и новой власти. Еврейский музей мог также планироваться как инструмент национально-политического просвещения масс, что было особенно востребовано с учетом официального осуждения антисемитизма большевиками и непрерывной волны антиеврейских погромов на территории Украины в годы Гражданской войны. И.М. Троцкий пишет в своих воспоминаниях: «Антиеврейские погромы на Украине при Центральной Раде, при гетмане Скоропадском и особенно в эпоху Директории и петлюровщины вырыли между еврейским и украинским населением глубокую пропасть» [Троцкий 2002, 66]. Погромная статистика сообщает об ужасающих размерах катастрофы, ответственность за которую несли в том числе отдельные части Красной армии: в общей сложности произошло около 1500 погромов в 1300 населенных пунктах¹¹.

В этом контексте история создания еврейских музеев как в годы революции, так и в советской Украине кажется не вполне однозначной. Свидетельства современников говорят, с одной стороны, о «насыщенной юдофобией атмосфере» [Троцкий 2002, 67]. С другой стороны, исследователи отмечают особый общественно-политический климат в Киеве, который после Февральской революции превратился в место притяжения еврейских интеллектуалов и культурных деятелей [Меламед 2015, 108]. Политика молодого советского правительства в отношении евреев строилась с учетом этого коллективного исторического опыта и в известной степени определялась стремлением искоренить дискриминацию национальных меньшинств, которую практиковало царское правительство [Zeltser 2011, 175]. Кроме того, евреи расценивались большевиками как одна из групп возможной поддержки режима по причине двух основных характеристик еврейского населения бывшей Российской империи: поголовной грамотности и отсутствия компрометирующих, с точки зрения советских властей, связей с правительством царской России [Yalen 2016, 120]. Разрешение «еврейского вопроса» в советской системе также должно было стать свидетельством того, что новое государство способно побороть болезни прошлого [Deckel-Chen 2007, 431].

С целью проведения данной политики большевики начали осуществление программы «национального государственного строительства», которая опиралась на еврейские коммунистические организации. За проведение еврейской национальной культурной политики в Киеве прежде всего отвечала Культур-Лига, которая после установления советской вла-

¹¹ Подробнее о погромной статистике 1917–1920 гг. см.: [Vetter 1995; Костырченко 2001; Шехтман 2002; Будницкий 2005; Budnitskii 2010] и др. работы.

сти продолжала начатую в УНР в 1918 г. работу. В первые годы советской власти именно Культур-Лига в полной мере реализовала возможности, предоставляемые новым национально-политическим проектом. В своих достижениях Культур-Лига демонстрировала потенциал авангардного движения советской еврейской культуры 1920-х гг.

Авангард и «примитивы» в коллекции художественной секции Культур-Лиги

Культур-Лига выстраивала свою работу вокруг языка идиш как культуурообразующей рамки нового еврейства, во многом повторяя программные установки идишистов дореволюционного времени, сторонников партий Бунд, Фолкспартей и Фарейникте¹². После упразднения правительством Скоропадского Министерства по еврейским делам Культур-Лига стала выполнять в Киеве роль политической трибуны для решения еврейских общественных и культурных вопросов. Идеологи Культур-Лиги при этом не ограничивали себя территорией Украины и адресовали свои манифесты еврейскому населению всей России [Estraikh 2010, 201].

Концепции еврейской массовой культуры здесь конструировались одновременно в русле идей европейского модерна и риторики социалистической революции. Под лозунгом «Дух народа выражается в его искусстве» Культур-Лига активно участвовала в развитии и популяризации еврейского искусства нового времени [Di grunt-ouyfgaben 1918, 5]. В период своего существования с 1918 по 1921 гг. художественная секция Культур-Лиги, теоретиками которой выступали Рыбак и Б.С. Аронсон (1898–1980), поддерживала творчество молодых художников Украины и Белоруссии, хорошо принимаемых на Западе, и стала прогрессивной лабораторией не только искусства революции, но и еврейского авангардного искусства. Художников Культур-Лиги объединял интерес к нарративам еврейской народной культуры в сочетании с эстетическими принципами модернизма.

В знаменитом манифесте «Пути еврейской живописи», написанном Рыбаком и Аронсоном в 1919 г., была сформулирована основная концепция Художественной секции Культур-Лиги, которая предлагала смелую перспективу развития еврейского искусства и еврейской культуры в целом: «Усталый Запад, уже исчерпавший все формы пластического ремесла, принесший в жертву во имя этого ремесла самый экстаз живых жизненных эмоций, зовет свежих, молодых живописцев, еврейских художников, по-азиатски опьяненных формой. Еврейская форма уже здесь, она

¹² Об истории киевской Культур-Лиги см. [Казовский 2003; Estraikh 2010; Меламед 2015].

пробуждается, она возрождается!» (цит. по [Казовский 2003, 43]). Возрождение еврейской традиции в искусстве и обращение передовых художников к истокам национальной эстетики перекликается не только с программной статьей основоположника еврейской этнографии С. Ан-ского (1863–1920) «Еврейское народное творчество», но и с общим увлечением западноевропейского авангарда примитивными формами искусства [ср. Rubin 1984]. Таким образом, манифест Рыбака и Аронсона переносит интеллектуальную динамику Культур-Лиги в более широкий контекст обмена знаниями. Этот текст также демонстрирует, по каким линиям развивалось теоретизирование о месте традиции в новой еврейской культуре. Этнографический взгляд на культуру наполнялся не только научными и политическими смыслами, но также становился источником вдохновения для авангардного искусства.

Вступив в Культур-Лигу в 1918 г., Рыбак много занимался этнографическим рисунком. В том же году он начал цикл «Погром», который завершился в 1920 г. в Москве. Большая часть работ этого цикла была посвящена одному из наиболее жестоких погромов 1919 г., который случился в Елисаветграде, родном городе Рыбака. Повстанческими отрядами Н.А. Григорьева (1885–1919), воевавшего на стороне Петлюры, там было убито от 1,3 тысяч до трех тысяч евреев [Краткая еврейская энциклопедия 1992, 6, 571]. Среди жертв погрома предположительно был отец художника. В работах цикла «Погром» Рыбак исследовал ужас антиеврейских беспорядков в годы Гражданской войны и свою личную трагедию [Meidler-Waks 2012, 39]. Интерес к культуре штетла и еврейской духовной жизни также отразился в графических циклах «Штетл» в 1923 г. и «Еврейские типы Украины» в 1924 г. Совсем иным по характеру был альбом с литографиями «Af di yidishe felder fun ukraine» (рус. «На еврейских полях Украины»), опубликованный в 1926 г. по следам экспедиции в еврейские земледельческие колонии. Здесь Рыбак обратился к теме трансформации традиционного уклада еврейской жизни. Несмотря на внешнее созвучие цикла с распространенными в середине 1920-х гг. советскими исследованиями «физиономии еврейского местечка» [Еврейское местечко в революции 1926, 4], созданные Рыбаком образы советского еврея, трудящегося на своей земле, были наполнены «почти библейским пафосом» и передавали очарование художника этим новым еврейством [Дымшиц].

Другой участник Культур-Лиги, Эль Лисицкий (1890–1941), также обладал опытом работы с этнографическими материалами и хорошо знал еврейский изобразительный фольклор. Летом 1915 и 1916 гг. Лисицкий и Рыбак «отправились в народ» по заданию Еврейского историко-этнографического общества – поехали «днепровским путем, чтобы изучить еврейское искусство *in situ*» [Лисицкий; Meidler-Waks 2012, 39]. Особым источником вдохновения для художников стала синагога в Могилеве, воспоминания о которой позже переросли в манифест о новой еврейской

культуре на стыке модернизма и традиции [Lissitsky 1923]. Лисицкий тесно сотрудничал с Культур-Лигой в 1917–1919 гг.; в этот период он стал знаменит благодаря своей книжной графике, в которой отразились впечатления от синагогальной росписи, увиденной им в Белоруссии. В качестве примера можно назвать иллюстрации к изданию пасхальной песенки «Хадгадья», созданные в 1919 г. [Брук 2015, 121]. С еврейскими музейными коллекциями Лисицкого связывает другая известная работа – оформление поэмы М. Бродерзона «Пражская легенда», также известной под названием «Сихас хулин» («Житейский разговор»), в виде традиционного свитка в деревянном футляре. Орнаменты, созданные Лисицким в 1917 г. для иллюстрирования этого текста, были выполнены в манере, вдохновленной росписями синагог и еврейским лубком. Один из двадцати экземпляров свитка «Сихас хулин» попал в конце 1920-х гг. в собрание Первого всеукраинского музея еврейской культуры в Одессе [Брук 2015, 118].

Однако появлению «первого» музея в Одессе в 1927 г. еще предшествовала непродолжительная история музейной работы в киевской Культур-Лиге. После выставки графических и скульптурных работ, открывшейся 8 февраля 1920 г., последовало создание Музея пластических искусств в сентябре 1921 г. [Казовский 2003, 49]. Концепция музея отразила вынашиваемую большевиками идею «мировой революции» и освещала новое советское еврейское искусство как наиболее жизнеспособную часть европейского целого. Работы еврейских авангардистов были показаны вместе с картинами Пабло Пикассо, Яна Брейгеля и даже гравюрами японских мастеров. Теоретики Культур-Лиги таким образом воплощали стремление к тому, чтобы новая еврейская культура стала частью мирового культурного процесса. Власти, очевидно, не препятствовали подобному развитию, поскольку реализация этой концепции давала плоды не только во внутреннем устройстве отношений с еврейским населением, но также работала на положительную репутацию большевиков на Западе [ср. Deskel-Chen 2013, 431].

Как пишет Г. Казовский, вместе с живописью еврейского авангарда музей Культур-Лиги демонстрировал на своей экспозиции произведения еврейского народного искусства («еврейские примитивы») и предметы синагогального культа [Казовский 2003, 49]. Используя этнографический подход к памятникам еврейского культурного наследия, здесь выставляли предметы материальной культуры, серебряную утварь из украинских синагог и образцы народного искусства. Примитивы интерпретировались авангардистами Культур-Лиги как первоисточник национальных художественных образов, которые под влиянием новой эпохи подвергались пересмотру и наполнялись новыми смыслами. Подобная связь еврейского прогрессивного искусства с традицией еврейского толкования (мидраш) выстраивалась новыми художниками культурную преемственность с предками.

Первый всеукраинский музей еврейской культуры

Если для Художественной секции и музея Культур-Лиги этнография была методом осмысления национальной культуры и изобретения нового языка в еврейском искусстве послереволюционных лет, то Музей еврейской культуры в Одессе демонстрирует использование этнографического принципа и сюжетов еврейского культурного наследия для конструирования национальных образов в разгар кампании коренизации. Принимая во внимание тот факт, что вместе с еврейским музеем в Одессе появляется музей украинской культуры «Степная Украина», создание подобных национальных институтов можно рассматривать как часть культурно-политической кампании по распространению советской национальной идеологии [Бореев 1927]. Одесский историк С.Я. Боровой (1903–1989) пишет о музее как о последнем всплеске внимания со стороны властей к делам еврейской культуры в преддверии начала репрессий по национальным линиям в 1933–1934 гг. [Боровой 1993, 228]. Из статьи А.Ш. Гурштейна (1895–1941) «В музее Менделе: одесские записки» также следует, что создание музея было частью еврейского академического проекта в Одессе, который разрабатывался как ответвление киевской кафедры еврейской культуры Академии Наук Украины [РГАЛИ, Ф. 2270. Оп. 1. Л. 119]. Об этом свидетельствует и период активной работы музея в 1927–1933 гг., совпадающий с укреплением централизованной работы институтов еврейской науки.

Первый всеукраинский музей еврейской культуры им. Менделе Мойхер-Сфорима был открыт к десятой годовщине революции в ноябре 1927 г. [Шквал 1928, 22]. Создание музея было также приурочено к десятилетию со дня смерти «дедушки еврейской литературы», жившего в Одессе в 1881–1917 гг., и служило своеобразным сигналом о включении творчества Менделе в культурный канон советского еврейства. По воспоминаниям Борового, «новому музею в условиях хронического острого недостатка помещений был отведен двухэтажный дом с большим количеством залов, подсобных помещений и т.д.» [Боровой 1993, 228]. На экспозиции в первом зале были представлены предметы повседневного обихода, книги и рукописи Менделе, рисунки и, в частности, иллюстрация к повести «Кляча», на которой сам «дедушка» был изображен книгоношей («мойхер-сфорим» переводится с идиша как «продавец книг»). Особое место на выставке занимал том сочинений Менделе в оригинальном серебряном переплете, поступивший от еврейских рабочих из Канады, о чем свидетельствовала дарственная надпись. Этот подарок был важным атрибутом репрезентации советской еврейской культуры в контексте международного пролетарского движения.

Вскоре после основания музея в одесской еврейской прессе стали появляться объявления с обращениями к гражданам о содействии музею

в формировании коллекций по следующим разделам: 1) еврейское общественно-политическое движение 2) еврейское рабочее и социалистическое движение 3) история материальной культуры 4) литература, театр и пр. 5) история еврейских земледельческих колоний 6) история живописи, графики и пр. [Odeser arbeter 1927, 17]. На момент создания музей располагал небольшим количеством предметов, которое пополнялось из личных коллекций, из запасников других музеев и т.д.: «В отдельных памятниках старины здесь представлены уже весь юг и юго-запад Украины – край, который знал и живописал Менделе», – сообщал одесский общественно-политический еженедельник «Шквал» [Шквал 1928, 22]. Обширные литературные коллекции и архивы еврейских писателей поступали через сотрудников одесской Академической еврейской библиотеки, активно вовлеченных в жизнь музея (А.И. Воробейчик (1893–1942), И. Риминик (1901–1941), Боровой и др.) [Боровой 1993, 224, 228–229]. Таким образом музей смог выставить на экспозиции старинные рукописные книги, созданные шесть столетий назад, и многочисленные ритуальные предметы из серебра и дерева редких пород, несущие «следы тончайшей паутиной работы безвестных ювелиров, чеканщиков и орнаментальщиков» [Шквал 1928, 23].

Среди представленных экспонатов посетителям музея предлагалось обратить особое внимание на бархатные футляры для Торы, «на которых кропотливо вышит серебром и бисером двуглавый византийский орел с короной рядом со щитом Давида, а на щите надпись «Иегова» и на коронованном орле “Кесар-тора”» [Шквал 1928, 23]. В таком изложении традиционное еврейское сочетание «кетер тора» (корона для Торы), прочитываемое как «тора для кесаря», получало смысловую отсылку к русским царям-«погромщикам», что создавало поле для идеологической работы. Большой этнографический опыт и языковая компетенция сотрудников Музея еврейской культуры, однако, не позволяют предположить, что подобная трактовка стала результатом незнания того, как в еврейской традиции принято обозначать корону для Торы. Более вероятно, что случай с одесской «кесар-торой» является примером вмешательства со стороны советского политпросвещения: исторический материал и предметы еврейской старины были, прежде всего, символами свергнутого царизма.

Историческая деятельность музея также была направлена на сбор материалов по еврейским погромам и еврейским дружинам самообороны, возникавшим в 1917 г. [ЦГАВОВУ, Ф. 166. Оп. 6. Д. 8912. Л. 186]. В Одессе появилась одна из первых таких дружин; ее история переплеталась с нереализованным проектом Союза евреев-воинов Юго-западного фронта¹⁵. Кроме

¹⁵ В октябре 1917 г. в Киеве прошла конференция союзов евреев-воинов, председателем которой выступил И.В. Трумпельдор (1880–1920). Он призывал организовать единую систему всероссийской еврейской самообороны. Однако большинство

того, в заявках музея на летние экспедиции упоминается сбор материалов по истории еврейского революционного движения, достижений политики землеустройства еврейских трудящихся и составление характеристики настроений среди еврейского пролетариата в местечках (эти темы были отражены в музейном архиве исторических документов). На экспозиции образ еврейского местечка раскрывался преимущественно с трагической стороны. Музейный рассказ был выстроен прагматичным образом, чтобы показать не только последовательность событий, но и образовать «резервуар референций и символов для навигации в настоящем» [Хмелевская 2016, 163]. Экспозиция работала с конструированием культурной памяти евреев в официально установленных рамках и преодолением травм прошлого, выход из которого здесь знаменовался приходом советской власти, осуждающей антисемитизм как пережиток буржуазного общества.

И все же, несмотря на интерес музея к истории евреев советского периода и экспонирование соответствующих материалов (например, изображений еврейской колонии Калининдорф, продемонстрированных уже при открытии музея в 1927 году), а также участие в антирелигиозной кампании, одесский еврейский музей критиковали за недостаточную твердость в следовании коммунистическим принципам и избыток идей «националистической буржуазии» [Чорноморська коммунa 1931, 4]. Противоречивость эпохи проявилась в том, что власти, несмотря на разгром музея в прессе и закат кампании коренизации, содействовали музею и способствовали расширению отдела еврейской живописи, который появился в начале 1930-х гг. Выдающимся достижением музейного руководства и в частности М.И. Шехтмана (1900–1941) стала коллекция еврейской народной графики и поступление произведений искусства из Киевской художественной профшколы [ЦГАВОВУ, Ф. 166. Оп. 10. Д. 549. Л. 84–86]. Музею также были переданы картины из частной коллекции московского профессора Я.Ф. Каган-Шабшая (1877–1939), одного из первых ценителей творчества Шагала, основателя художественного объединения «Шомир» и Еврейской художественной галереи в Москве, насчитывавшей более 300 работ знаменитых и малоизвестных художников [Брук 2015, 29]. В одесском музее появились работы Лисицкого, Рыбака, М.З. Шагала (1887–1885), А.Г. Тышлера (1898–1980), Н.И. Альтмана (1889–1970), Л.О. Пастернака (1862–1945), А.А. Маневича (1881–1942) и др. Собрание картин одесского еврейского музея во многом составляли работы мастеров, которые в 1910-е годы создавали новый язык еврейского искусства, а по-

---

еврейских партий не одобрило эту идею, опасаясь усиления погромных настроений. Генеральный секретарь по еврейским делам Зильберфарб призывал евреев вступать в отряды вольного казачества для осуществления местной самообороны. Эти отряды предотвратили ряд погромов, но впоследствии были ликвидированы правительством гетмана Скоропадского [Краткая еврейская энциклопедия 1996, 8, 1215–1218].

сле революции сотрудничали с Культур-Лигой. При поступлении этих произведений музей обязался «в течение 1932 г. устроить у себя отдельную выставку – показ данной коллекции целиком», а также «в рамках требований музейной советской экспозиции сохранять по возможности данную коллекцию не разбросанной, а целой» [ЦГАВОВУ, Ф. 166. Оп. 10. Д. 1393. Л. 27].

Можно сказать, что Музей еврейской культуры был частью единого еврейского культурного и этнографического движения, появившегося в условиях поздней Российской Империи и получившего краткое динамичное развитие в рамках советской национальной политики 1920-х гг. Как и более ранние еврейские музейные проекты в Петербурге и Киеве, одесский еврейский музей находился в зависимости от политического курса власти. Завершение кампании коренизации и нарастающее политическое неприятие национальных культур имели для него самые разрушительные последствия: «Сейчас уже некому рассказать, как погиб музей, как растащили, а может быть, по злобе и невежеству бездумно уничтожили его ценности», – писал Боровой спустя несколько десятилетий после первого закрытия музея в 1933 г. [Боровой 1993, 229]. Музей возобновил свою работу на несколько месяцев весной 1941 г. и окончательно погиб от пожара, возникшего в ходе немецкой бомбардировки 22 сентября 1941 г. Об этом свидетельствует запись в личном дневнике очевидца – жителя оккупированной Одессы, А. Оржеховского: «Часов в 11 я пошел посмотреть на места пожарищ. По Канатной ул. уг[ол] Троицкой еще горел Евр[ейский музей]. На улице валялись старинные книги, бюсты еврейского типа, очевидно знаменитые люди, картины и многое другое. Внутри в комнатах еще горело, еще висели и пылали разные портреты, тут же стояли пожарные и рассматривали разные предметы. Пожарные рукава были пусты, а пламя доканчивало свою работу» [Мельниченко 2007, 263-264]. После окончания Второй мировой войны музей не был восстановлен [Солодова].

Иудаика в региональных этнографических музеях

Помимо Культур-Лиги и одесского Музея им. Менделеева, этнографией евреев продуктивно занимались сотрудники региональных краеведческих музеев УССР. Это движение было представлено прежде всего в 1920-е гг., когда культура национальных меньшинств получала поддержку и широкое общественное освещение. Вместе с тем открытие краевых музеев и собирание памятников национальных культур в определенной степени продолжало работу, начатую в период УНР и до революции. Главное управление искусств и национальной культуры УНР уже в начале 1919 г. готовило проекты создания в Киеве, Виннице и других городах новых исторических, художественных, военных музеев, архивов и библиотек

для укрепления национальной государственности «на украинском и на других языках» [ЦГАВОВУ, Ф. 3689. Оп. 1. Д. 14. Л. 200]. Отдельным направлением было сохранение исторического наследия Украины, которое в первые годы после установления советской власти курировал киевский Вукопис. В 1919 г. в Харькове открылась школа по подготовке новых кадров для охраны памятников и музееведения; в 1920 г. были организованы подотделы Вукописа в Одессе, Херсоне, Белой Церкви, Каменце-Подольском и других городах УССР [Попова 1994, 90]. Таким образом, отделы искусства и культуры при городских секциях народного образования получали возможность собирать материалы об истории своего края, которые пополняли коллекции периферийных украинских музеев. Однако профессиональный уровень специалистов долгое время оставался недостаточным, что часто приводило к разрушению объектов или кражам: например, в Каменце-Подольском в ходе преобразования Церковно-археологического музея в общеархеологический было утрачено огромное количество экспонатов. На этом фоне особое значение получает история успешного сохранения и научного изучения региональными музейщиками памятников культуры национальных меньшинств.

Архивные документы советского периода свидетельствуют о формировании в украинских музеях различных национальных коллекций – украинских, польских, греческих, еврейских [ЦГАВОВУ, Ф. 166. Оп. 9. Д. 1501. Л. 162, 320, 340, 342 и др.]. Нарративы национальных культур и исторических комплексов интерпретировались как часть многосложного регионального культурного наследия. В краеведческих музеях, в которых складывались фонды иудаики, еврейские экспонаты, как правило, выставлялись рядом с предметами традиционной одежды, бытовой утвари, а также произведениями народного искусства украинцев, русских, немцев и других народов. Для конструирования образа советского еврея и подготовки музейной репрезентации достижений советского национального строительства требовалась информационная и материальная база, которая в 1920-х гг. развивалась в двух направлениях. Цель первого состояла в том, чтобы собрать материал, документирующий изменения, произошедшие в еврейском местечке после установления советской власти. Второе направление видело своей задачей сохранение реликвий местечка, распад которого коррелировал в восприятии историков-краеведов с исчезновением этнорелигиозной самобытности еврейского населения в условиях модернизации [ЦГАВОВУ, Ф. 166. Оп. 6. Д. 1775. Л. 13].

Всеукраинский исторический музей (Первый государственный музей в период с 1919 по 1924 гг.) обладал коллекцией синагогального серебра, сложившейся еще в годы Первой мировой войны [Котляр 2009, 123]. В советское время этот фонд пополнялся предметами конфиската, поступающего от таможенного управления, и за счет приобретений в ходе этнографических экспедиций. Полевые исследования, проведенные ведущим

этнографом этого музея Д.М. Щербаковским в 1920-е годы, отражали характерное стремление украинских ученых дать научное описание еврейской художественной традиции прежде, чем она исчезнет под натиском антирелигиозной пропаганды. Основным направлением полевых исследований стало распространенное еще до революции изучение еврейского книжного искусства, принципов строительства еврейских кварталов, архитектуры, росписи синагог, оформления надгробий и символики художественных мотивов. Архитектурные памятники и виды местечек зарисовывались художниками или снимались на фотопленку.

Еврейские коллекции белоцерковского краеведческого музея сформировались в результате экспедиций в Киевскую область, южная часть которой была особенно богата памятниками еврейской культуры. Во время массового изъятия религиозных ценностей в музей попала требующая реставрации бима, датированная XVIII в. и ранее принадлежавшая Большой синагоге в Белой Церкви, а также позолоченные шофары, несколько талмудов и ряд других старинных религиозных книг. Из рабочего плана на 1931 г. следует, что в музее готовился к открытию «еврейский краеведческий отдел», в задачи которого входило бы изучение истории евреев Белоцерковского района [ЦГАВОВУ, Ф. 166. Оп. 9. Д. 1508. Л. 35].

Еврейский отдел Социально-исторического музея в Бердичеве изначально был построен по распространенному принципу противопоставления старого и нового еврейского быта [ЦГАВОВУ, Ф. 166. Оп. 9. Д. 1507. Л. 169–170]. Музей смог значительно расширить первоначальную коллекцию благодаря поступлениям новых экспонатов из Бердичева, Шепетовки и Проскурова. Экспозиция бердичевского музея в итоге отличалась подробным рассказом о сложном сплетении традиций прикладного искусства и культурных контактов евреев Волыни. В 1930-е годы в музее находилось более 1 200 предметов, что существенно превышало средние показатели еврейских фондов в краеведческих музеях Украины. Для сравнения: еврейский отдел полтавского краеведческого музея насчитывал лишь 150 предметов материальной культуры, фотографий и памятников книгопечатания [ЦГАВОВУ, Ф. 166. Оп. 8. Д. 443. Л. 24].

Во второй половине 1920-х гг. бердичевские коллекции еврейских артефактов претендовали на звание фондов республиканского значения, а в музейном секторе Наркомпроса с подачи сотрудников музея велись переговоры о создании отдельного еврейского музея на базе уже имеющихся собраний. Однако замысел об открытии всеукраинского еврейского музея был воплощен несколько позже в Одессе, для чего были собраны новые коллекции [ЦГАВОВУ, Ф. 166. Оп. 9. Д. 1508. Л. 146]. Работа бердичевского музея по исследованию еврейского наследия тем не менее имела важные последствия для сохранения локальных памятников еврейской культуры: в 1928–1929 гг. было одобрено предложение директора музея Ф. Молчановского о переводе части бердичевского еврейского кладбища

в статус заповедника местного значения, а также о присвоении деревянной синагоге в Погребище статуса Всеукраинского государственного еврейского заповедника [Котляр 2009, 126]. Эти охранные меры были особенно важны в условиях нарастающей советизации и антирелигиозной кампании, которая повлекла за собой исчезновение очагов культурной памяти¹⁴.

Неизбежность трансформации традиционной культуры и опасность исчезновения памятников национального наследия в советском обществе осознавалась многими украинскими этнографами, которые спешили собрать и изучить еще существующий материал. Директор Историко-бытового музея в Виннице Г.В. Бриллинг (1867–1942) придерживался подхода, сложившегося на основе рефлексии о судьбе стремительно исчезающих реликвий и фольклора. Он придавал большое значение миссии коллекционирования предметов еврейского наследия, поставив своей целью «собрать и сохранить гибнущие памятники еврейской культуры». Бриллинг видел особую важность этого дела в контексте условий переходного и военного времени, создающего новый быт и требующего всех сил «для фиксирования и спасения уходящих в область истории материальных памятников» [ЦГАВОВУ, Ф. 166. Оп. 6. Д. 1775. Л. 13]. Для выполнения этих задач музей обследовал Подолию, собирая предметы материальной культуры, документируя архитектурные объекты, национальные типы и традиционные орнаменты. В 1927 г. музей опубликовал альбом с изображениями еврейских улиц и памятников архитектуры в Виннице, по большей части утраченных во время Второй мировой войны [Котляр 2009, 127]. Издание появилось одновременно с небольшой выставкой, на которой было представлено около ста предметов ритуального назначения, собранных в синагогах Подолии.

Аналогичным образом была выстроена исследовательская деятельность Каменец-Подольского краеведческого музея, выпустившего обширные труды о памятниках еврейского наследия в регионе [ЦГАВОВУ, Ф. 166. Оп. 9. Д. 1508. Л. 138]. Музей украинского искусства в Харькове также собрал архив фотографий еврейских местечек Правобережья и Подолии (ныне в Институте рукописи НБУ им. А.Н. Вернадского) [Котляр 2009, 124]. В целом динамика коллекционирования и описания артефактов, принадлежавших еврейской традиционной культуре, сигнализировала об активном процессе музеефикации традиции, присутствие которой в повседневной жизни евреев постепенно исчезало под давлением государственного атеизма и стремительной урбанизации еврейского населения в местечках [Zeltser 2007, 92; Beizer 2007, 115]. Визуальные материалы так-

¹⁴ Несмотря на усилия Молчановского и содействие властей, в 1930 г. началась волна уничтожения религиозных памятников, затронувшая Бердичев: «В Бердичеве в 1930 г. уничтожено известное еврейское кладбище и срублено многолетнее дерево – памятник фетишизма и переселения душ, поклонение которому сохранялось до сегодняшнего дня» (цит. по: [Попова 1994, 117]).

же активно использовались для построения экспозиционных комплексов и многочисленных диарам, направленных на раскрытие таких идеологически востребованных тем, как классовая борьба, народные движения против феодально-крепостнического строя, развитие революционного движения. Репрезентации основных этапов формирования «братских» национальных культур должны были транслировать марксистско-ленинское понимание развития и упадка Киевской Руси и Российской империи, противопоставляемых советскому государственному строю.

Важным инструментом политической пропаганды в музее были антирелигиозные выставки, которые набирали свою силу в конце 1920-х гг. и повторяли риторику Союза воинствующих безбожников, основанного в 1925 г. и ставшего централизованным институтом по борьбе с религией после Второго съезда Общества друзей газеты «Безбожник» в 1929 г. [Союз воинствующих безбожников 1985, 420]. В контексте антирелигиозной кампании менялось отношение властей к религиозным памятникам и историческому наследию в целом. Примером ослабления интереса к сохранению культовых сооружений и реликвий может служить публикация журнала «Социалистический Киев» в 1933 г. [Карев 1933, 34]:

Поскольку наша среда формировалась преимущественно на базе феодально-клерикальных отношений, то произошло массовое коллекционирование и хранение всего, что только лишь несло на себе дату и печать вчерашнего дня. Это привело к определенному отклонению, неправильному в принципе, а иногда довольно опасному. Пересмотр этого ошибочного принципа уже начался. Мы имеем явные последствия. Выяснилось, что у нас много всякого мусора, но мало настоящих, исторически цельных памятников.

Начиная с 1929 г. выставочная деятельность краеведческих музеев Украины приобретает выраженную идеологизированность в вопросах духовной культуры. Обличительные выставки подробно освещали религиозные предписания и запреты различных религиозных групп, в том числе евреев, демонстрировали атрибуты ритуальных практик и наглядно раскрывали «буржуазную суть служения культуре» [ЦГАВОВУ, Ф. 166. Оп. 9. Д. 1509. Л. 90]. В описанном выше Музее еврейской культуры в Одессе антирелигиозный отдел ставил своей целью «вскрыть перед посетителем классовую сущность пасхального ритуала» и «божественных пут как средства порабощения масс» [ЦГАВОВУ, Ф. 166. Оп. 9. Д. 1509. Л. 90–92]. На выставке одесского еврейского музея были представлены экспонаты (серебряная утварь для еврейского пасхального стола), повествующие о религии как источнике «национальной ненависти». Богоборческий нарратив подкреплялся литературными цитатами из «еврейских мелкобуржуазных писателей» и плакатами, созданными заведующим художественным отделом Шехтманом.

Похожий метод был использован в Черниговском краеведческом музее, где в 1929 г. директор музея, реставратор и живописец М. Вайнштейн (1894–1952) подготовил серию акварелей: десять картин на темы еврейских праздников и связанных с ними обрядов, а также с изображением папы Пия XI, в 1929 г. объявившего о своей поддержке фашистской Италии [ЦГАВОВУ, Ф. 166. Оп. 9. Д. 1509. Л. 76]. В Каменец-Подольском краеведческом музее антирелигиозный раздел также ставил своей целью искоренить пережитки, препятствующие, согласно богоборческой риторике, революционному движению. На примере атрибутов литургических обрядов трех основных конфессий здесь рассказывалось об истории распространения католицизма, православия и иудаизма в регионе как «психологическом порабощении верующих» и источнике классового неравенства в дореволюционном обществе [ЦГАВОВУ, Ф. 166. Оп. 9. Д. 1508. Л. 138]. Для этих целей музеем был собран обширный материал, иллюстрирующий функционирование иудейских общин в Подолии, включая такие аспекты, как экономическое устройство, социальная структура и особенности пространственно-архитектурной организации [ЦГАВОВУ, Ф. 166. Оп. 9. Д. 1508. Л. 138].

Интерес украинских этнографических и краеведческих музеев к предметам еврейского наследия отражает характерное для 1920-х годов восприятие еврейской культуры как важной части сложносочиненной национальной культуры Украины. Динамика коллекционирования и репрезентации памятников еврейской истории не в последнюю очередь развивалась в контексте описания культурных контактов и этнических конфликтов. Очевидно, что перед этнографическими и антирелигиозными выставками стояла задача не только пропагандировать большевистское нацстроительство, но также через осуждение еврейских погромов как пережитка царской политики создавать нарратив, направленный на искоренение антисемитизма, бытовавшего на протяжении всего межвоенного периода [Vetter 1995, 357–359]. Еврейские выставки также использовались для распространения политической информации по актуальным вопросам международной политики – в 1930-х гг. этот прием получит широкое распространение в работе тбилисского Историко-этнографического музея евреев Грузии в связи с усилением фашистских режимов в Европе [НАГ, Ф. 35. Оп. 1. Д. 1. Л. 37; Ф. 1711. Оп. 1. Д. 27].

Заключение

Этнографическая и историческая ценность артефактов еврейской культуры в СССР заключалась в их видимой и естественной принадлежности к комплексу культуры и истории Украины. Интерес к народной культуре и методология изучения складывались в контексте национального подъема революционных лет, ставшего важнейшей культурной и интеллекту-

альной программой для поколения исследователей, возглавившего украинские музеи в 1920-х гг. Музейная политика правительства УНР и УССР в первые годы ее существования позволяет рассуждать о национально-политическом функционале музеев как общедоступного органа массового просвещения. По этой причине музейная выставочная практика была в большой степени инструментом политического процесса и зависела от политической конъюнктуры.

Наиболее ранние еврейские культурные организации, появившиеся в первые годы после революции, были реорганизованы к середине 1920-х гг., так как начавшаяся в 1923 г. кампания коренизации повлекла за собой регулирование культурной и просветительской работы. С 1924 г. образовательные учреждения Культур-Лиги были переведены в ведомство Наркомпроса, а остальные отделы перестали получать финансирование [Меламед 2015, 110]. Официально Культур-Лига была ликвидирована в 1931 г., когда в интересы национальной политики в Украине начала возвращаться русификация национальных меньшинств, а наука и культура приобретали более марксистское содержание [Martin 2001, 122; Слезкин 1993, 116].

Исчезновение еврейской этнографии в Украине началось с укреплением сталинизма и изменением концепции государственного национально-го устройства. Инициативы первых советских лет соответствовали ранней позиции партии, искавшей опоры в национальных меньшинствах и стремившейся создать экономические условия для процветания национальных культур. Развитие еврейского музейного строительства на территории Украины отражало динамику, которая претерпела радикальные изменения при переходе от революционной политической культуры к сталинскому национально-политическому проекту. После ликвидации Сталиным НЭПа как очага либерализации режима последовала мобилизация экономики; укрепление классового общества «в год великого перелома» в 1929 г. и разгром «правых уклонистов» привели к обострению борьбы с «буржуазной интеллигенцией» и «агентами правого крыла» [Пайпс 2002; Хлевнюк 2015]. Это движение повлекло за собой пересмотр национальных проектов, а также национальных музеев и этнографии. Ученые, исследовавшие и сохранявшие памятники национальной культуры, попадут под опалу власти как «местные этнографы буржуазных национал-демократов» [Арзютов, Алымов 2014, 71]. Вслед за ними лишатся поддержки и будут частично закрыты музеи, представлявшие, с точки зрения правительства, опасные для государства интересы национальных группировок.

Первые кадровые чистки 1933–1934 гг. маркировали сталинский национально-политический сдвиг и коснулись большого числа подвижников еврейского музееведения. Известно, что в 1934 г. было арестовано четыре сотрудника одесского еврейского музея; руководителю отдела

искусства Шехтману удалось избежать ареста НКВД благодаря отъезду в Москву [Солодова]¹⁵. Еврейские музейные проекты, появившиеся в середине 1930-х гг. (Историко-этнографический музей евреев Грузии в Тбилиси (работал в 1933–1951 гг.) и масштабная выставка «Евреи в царской России и в СССР» в Государственном этнографическом музее (работала в 1939–1941 гг.), напротив, сохраняют свою актуальность как часть сталинского репрезентативного проекта, построенного новым поколением ученых-марксистов [Иванов 2010, Yalen 2016].

Таким образом, строительство еврейских музеев в советской Украине было в первую очередь инструментом популяризации идеологических образов и сюжетов, которые трансформировались в «героический миф» и осуществляли репрезентативную функцию государственных национально-политических проектов. Особое развитие изучения еврейской культуры в Украине, выражавшееся в большом количестве разнообразных проектов, стало результатом национальных кампаний революционного периода и 1920-х гг., а также расцвета в киевской научной и творческой среде. Сталинская политика в отношении Украины, террор 1933 г., репрессии против националистов в 1933–1934 гг., а также внутрипартийная борьба наращивали антиеврейское напряжение во власти и в обществе, что отразилось на судьбе музеев периода революции и коренизации [Martin 2001, 122–123; Vetter 1995, 279]. Вторая мировая война и политика антисемитизма после 1948 г. окончательно вывели иудаику из советской культурной и музейной повестки.

Источники

НАГ – Национальный архив Грузии. Ф. 1711. Оп. 1. Д. 27, 44. Ф. 35. Оп. 1. Д. 1.

¹⁵ Одесский еврейский музей стал примечательным исключением из списка уничтоженных национальных институций, так как архивные документы позволяют проследить историю его фондов вплоть до 1950-х годов. После закрытия музея в 1933 г. коллекции хранились в подвалах здания и, вероятно, постепенно расформировывались, о чем свидетельствует, например, акт передачи 44 предметов тбилисскому Историко-этнографическому музею евреев Грузии в 1939 г. [НАГ, Ф. 1711. Оп. 1. Д. 44. Л. 3]. Незадолго до начала оккупации Одессы румынскими войсками из музея, возобновившего свою работу весной 1941 г., было эвакуировано 230 особо ценных предметов синагогальной утвари. Однако большая часть музейного собрания, оставшаяся в Одессе, была утрачена в годы войны. В 1951 г. эвакуированные предметы были доставлены в одесский Археологический музей, после чего последовали две новые волны реорганизации еврейских фондов в 1952 и в 1964 гг. В конечном итоге одесская коллекция была передана в нынешний Музей исторических драгоценностей в Киеве, где, начиная с 1989 г., ведется работа по реставрации и экспонированию этих предметов.

- РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 2270.
Оп. 1. Л. 119.
- Ф. 2583. Оп. 1. Д. 5.
- ЦГАВОВУ – Центральный государственный архив высших органов власти
Украины. Ф. 166. Оп. 6.
- Ф. 166. Оп. 8. Д. 443.
- Ф. 166. Оп. 9. Д. 1501, 1507, 1508, 1509.
- Ф. 166. Оп. 10. Д. 549, 1393.
- Ф. 413. Оп. 1. Д. 556.
- Ф. 1738. Оп. 1. Д. 49, 50.
- Ф. 2581. Оп. 1. Д. 210, 212.
- Ф. 3689. Оп. 1. Д. 14, 15.
- Чорноморська коммунa 1931 – [Б.а.] За музей, протиживих експонатів
у ніх // Чорноморська коммунa. 1931, 22.05.1931.
- Карев 1933 – *Карев В.* Про те, що належить Історії // Соціалістичний Київ.
1933. № 3. С. 38–40.
- Эрнст 1918 – *Эрнст Ф.Л.* Художественные сокровища Киева, пострадавшие
в 1918 году. Киев, 1918.
- Лисицкий 1923 – *Лисицкий Э.* Заметки о Могилевской синагоге. // Авив.
О Могилевской синагоге. 3 августа 2016 г.; [http://aviv.by/
culture/o-mogilevskoy-sinagoge/](http://aviv.by/culture/o-mogilevskoy-sinagoge/).
- Боровой 1993 – *Боровой С.Я.* Воспоминания. М.; Иерусалим, 1993.
- Декрет СНК 1918 – Декрет СНК РСФСР от 23 января 1918 г. // СУ РСФСР. 1918.
№ 18. Ст. 263.
- Шквал 1928 – [Б.а.] Музей им. Менделе (К 10-летию со дня смерти Менделе-
Мойхер-Сфорим) // Шквал. 1928. № 3. С. 22–23.

Литература

- Арзютов, Алымов, Андерсон 2014 – От классиков к марксизму: совещание
этнографов Москвы и Ленинграда (5–11 апреля 1929 г.) / Под ред.
Д.В. Арзютова, С.С. Алымова, Д. Дж. Андерсона. СПб., 2014.
- Бореев 1927 – *Бореев Л.* Музей Степовой Украины // Известия Одесского
окружного КП(б)У, Окрисполкома и ОСПС. 27 декабря 1927 г.
- Борисенко 2006 – *Борисенко Е.Ю.* Феномен советской украинизации: 1920–
1930-е годы. М., 2006.
- Брук 2015 – *Брук Я.В.* Яков Каган-Шабшай и его Еврейская художественная га-
лерея. М., 2015.
- Брук 2009 – *Брук Я.В.* Яков Каган-Шабшай и Марк Шагал // Бюллетень Музея
Марка Шагала. Выпуск 16–17. Витебск, 2009. С. 85–101. [http://chagal-
vitebsk.com/node/229](http://chagal-vitebsk.com/node/229).

- Будницкий 2005 – *Будницкий О.В.* Российские евреи между белыми и красными. М., 2005.
- Добренко 2007 – *Добренко Е.А.* Политэкономия соцреализма. М., 2007.
- Довідник з історії України 2002 – Довідник з історії України / Под ред. И.З. Підкової, Р.М. Шуста. Київ, 2002.
- Дымшиц – *Дымшиц В.А.* Исторический шанс. Создание еврейских автономий в Крыму, на Украине и на Дальнем Востоке в 1920–1930-х гг. // ОРТ – ОЗЕТ. Создание еврейских автономий в СССР. www.ozet.ort.spb.ru/rus/index.php?id=476.
- Дымшиц 2009 – *Дымшиц В.А.* Первый еврейский музей в России // Фотоархив экспедиций Ан-ского: Волынь, Подолия, Киевщина, 1912–1914. СПб., 2009.
- Еврейское местечко в революции 1926 – Еврейское местечко в революции / Под ред. В.Г. Тан-Богораза. М., 1926.
- Иванов 2010 – *Иванов А.И.* «Евреи в царской России и в СССР» – выставка достижений еврейского хозяйственного и культурного строительства в Стране Советов // НЛО. 2010. № 102. <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/102/iv14-pr.html>.
- Казовский 2003 – *Казовский Г.И.* Художники Культур-Лиги. М.; Иерусалим, 2003.
- Карпов 2017 – *Карпов Ю.Ю.* Национальная политика Советского государства на северокавказской периферии в 20–30-е гг. XX в.: эволюция проблем и решений. СПб., 2017.
- Костырченко 2001 – *Костырченко Г.* Тайная политика Сталина: Власть и антисемитизм. М., 2001.
- Котляр 2009 – *Котляр Е.А.* Еврейские музеи первой трети XX века (Львов – Санкт-Петербург – Одесса – Киев) // Вісник ХДАДМ. 2009. № 2. Вып. 12. С. 113–133.
- Краткая еврейская энциклопедия 1996 – Краткая еврейская энциклопедия. Иерусалим, 1996.
- Куповецкий 2009 – *Куповецкий М.С.* Последний советский нацкадр Арон Вергелис: Основные этапы социализации до 1948 года // Идиш: Язык и культура в Советском Союзе / Под ред. Л. Кациса, М. Каспиной, Д. Фишмана. М., 2009.
- Меламед 2015 – *Меламед Е.И.* По следам архива Культур-Лиги // Параллели: русско-еврейский историко-литературный и библиографический альманах. М., 2015. № 13–14. С. 108–117.
- Мельниченко 2007 – *Мельниченко Л.А.* Дневник Адриана Оржеховского «Записки 1941–1944 гг.» // Дом князя Гагарина. Сборник научных статей и публикаций. Вып. 4. Одесса, 2007. С. 231–392.
- Миллер 2007 – *Миллер А.И.* Дуализм идентичностей на Украине // Отечественные записки. 2007. № 34 (1). С. 84–96.

- Овчинникова 1994 – *Овчинникова Т.В.* Музейное строительство в 1917–1927 гг. // *Художественное наследие: Хранение, исследование, реставрация.* М., 1994. № 15. С. 47–60.
- Пайпс 2002 – *Пайпс Р.* Коммунизм. М., 2002.
- Побожий 1993 – *Побожий С.* Щоденник Федора Эрнста // *Памятки України.* 1993, 1–6. <http://elib.nplu.org/view.html?id=4410>.
- Попова 1994 – *Попова Л.И.* Охрана памятников культуры и искусства на Украине в 1917–1941 гг. // *Художественное наследие: Хранение, исследование, реставрация.* М., 1994. № 15. С. 83–126.
- Сергеева 2006 – *Сергеева И.А.* Архівна спадщина Семена Ан-ського у фондах Національної бібліотеки України імені В. Вернадського. Київ, 2006.
- Сергеева 2003 – *Сергеева И.А.* Этнографические экспедиции Семена Ан-ского в документах // *Параллели: русско-еврейский историко-литературный альманах.* М., 2003. № 2–3. С. 97–124.
- Слезкин 1993 – *Слезкин Ю.* Советская этнография в нокдауне. 1928–1938 // *Этнографическое обозрение.* 1993. № 2. С. 113–125.
- Солодова – *Солодова В.В.* Судьба музея. http://judaica.kiev.ua/old/Eg_10/Eg22.htm.
- Солодова 2010 – *Солодова В.В.* Формування та розвиток документальних колекцій у складі фондів одеських музеїв (1825–2003). Одеса, 2010.
- Троцкий 2002 – *Троцкий И.М.* Еврейские погромы на Украине и в Белоруссии, 1918–1920 гг. // *Книга о русском еврействе, 1917–1967 / Под ред. Я.Г. Фрумкина, Г.Я. Аронсона, А.А. Гольденвейзера.* Иерусалим; М., 2002. С. 66–80.
- Урицкая, Якерсон 2009 – *Урицкая Л.Б., Якерсон С.М.* Еврейские сокровища Петербурга: ашкеназские коллекции Российского этнографического музея. СПб., 2009.
- Хлевнюк 2015 – *Хлевнюк О.В.* Сталин: Жизнь одного вождя. Биография. М., 2015.
- Хмелевская 2016 – *Хмелевская Ю.Ю.* Историки и «полезное прошлое»: К вопросу о дисциплинарных границах и дисциплинирующих функциях истории в современном обществе // *Вестник Пермского университета.* Пермь, 2016. № 1 (32). С. 162–173.
- Шехтман 2002 – *Шехтман И.Б.* Еврейская общественность на Украине (1917–1919 гг.) // *Книга о русском еврействе: 1917–1967 / Под ред. Я.Г. Фрумкина, Г.Я. Аронсона, А.А. Гольденвейзера.* Иерусалим; М., 2002. С. 32–53.
- Щербакова 2013 – *Щербакова М.Ю.* Дневники С. Ан-ского как культурно-исторический источник // *Музей, традиции, этничность.* СПб., 2013. № 2(4). С. 129–136.
- Abramson 1999 – *Abramson H.* A Prayer for the Government: Ukrainians and Jews in Revolutionary Times, 1917–1920. Cambridge, 1999.
- Anderson 2006 [1991] – *Anderson B.* Imagined communities. London, 2006 [1991].

- Avrutin 2009 – *Avrutin E.M.* (Ed.). Photographing the Jewish nation. Pictures from S. An-sky's ethnographic expeditions. Brandeis, 2009.
- Bayer 1999 – *Bayer W.* Die Beute der Oktoberrevolution. Über Zerstörung, Erhaltung und Verkauf privater Kunstsammlungen in der Sowjetunion, 1917–38 // Archiv für Kulturgeschichte. 1999. № 81 (2). P. 417–441.
- Beizer 2007 – *Beizer M.* The Jews of the Soviet metropolis in the interwar period: The case of Leningrad // Revolution, Repression, and Revival: The Soviet Jewish Experience / Ed. by Z.Y. Gitelman, Y. Ro'i. Lanham, 2007. P. 113–130.
- Budnitskii 2010 – *Budnitskii O.* Von Berlin aus gesehen – die Russische Revolution, die Juden und die Sowjetmacht // Transit und Transformation: osteuropäisch-jüdische Migranten in Berlin 1918–1939 / Ed by V. Dohrn. Göttingen, 2010.
- Cogniat 1934 – *Cogniat R.J.* Ryback. Paris, 1934.
- Dekel-Chen 2007 – *Dekel-Chen J.* «New» Jews of the agricultural kind: A Case of Soviet Interwar Propaganda // The Russian Review. 2007. Vol. 66. No. 3. P. 424–450.
- Estraikh 2010 – *Estraikh G.* The Yiddish Kultur-Lige // Modernism in Kyiv / Ed. by I.R. Mkaryk, V. Tkacz. Toronto, 2010. P. 197–217.
- Gordon 1984 – *Gordon D.E.* Deutscher Expressionismus // Primitivismus in der Kunst des zwanzigsten Jahrhunderts / Ed. by W. Rubin. München, 1984. P. 378–416.
- Kan 2006 – *Kan S.* «My old friend in a dead-end of empiricism and skepticism». Bogoras, Boas, and the politics of Soviet anthropology of the late 1920s – early 1930s // Histories of anthropology annual. 2006. № 2. P. 33–69.
- Kan 2016 – *Kan S.* «To study our past, make sense of our present and develop our national consciousness». Lev Shternberg's comprehensive program for Jewish ethnography in the USSR // Going to the people. Jews and the ethnographic impulse / Ed. by J. Veidlinger. Indiana, 2016. P. 64–85.
- Kilcher, Safran 2016 – *Kilcher A., Safran G.* (Eds). Writing Jewish culture: paradoxes in ethnography. Bloomington Indiana, 2016.
- Kleinmann 2006 – *Kleinmann Y.* Neue Orte – neue Menschen: jüdische Lebensformen in St. Petersburg und Moskau im 19. Jahrhundert. Göttingen, 2006.
- Levin 2015 – *Levin Z.* Collectivization and social engineering. Soviet administration and the Jews of Uzbekistan. 1917–1939. Leiden, 2015.
- Lukin 2006 – *Lukin B.* «An Academy Where Folklore Will Be Studied». An-sky and the Jewish Museum // Worlds of S. An-sky. A Russian Jewish Intellectual at the Turn of the Century / Ed. by G. Safran, S. Zipperstein. Stanford, 2006. P. 281–306.
- Lukin 2016 – *Lukin B.* Traditional Jewish art and Ukrainian art historians. Collections, preservation, and research in the Czarist, Soviet and post-Soviet periods / Ed. by W. Moskovich, A. Rodal. Jerusalem, 2016. P. 234–253.
- Martin 2001 – *Martin T.* The affirmative action empire: Nations and nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca, 2001.

- Meidler-Waks 2012 – *Meidler-Waks S.* Die Pogromserie von Issachar Ber Ryback // Berlin Transit: Jüdische Migranten aus Osteuropa in den 1920-er Jahren / Ed. by G. Pickhan, V. Dohrn. Berlin, 2012. S. 37–44.
- Odeser arbeter 1927 – Helft mit boyen dem yidishn muzey in Odes // Odeser arbeter. 1927. № 6–7. S. 17.
- Penter 2003 – *Penter T.* Kognitive Topographien 2017 – Odessas Juden zwischen kollektiver Selbsterfindung und nationalem Erwachen // Jahrbuch des Simon-Dubnow-Instituts. 2003. № 2. P. 267–292.
- Penter 2017 – *Penter T.* Die Oktoberrevolution in der Peripherie: das Beispiel Ukraine // Jahrbuch für historische Kommunismusforschung. 2017. № 10. P. 99–116.
- Rubin 1984 – *Rubin W.* Der Primitivismus in der Moderne: eine Einführung // Primitivismus in der Kunst des zwanzigsten Jahrhunderts / Ed. by W. Rubin. München, 1984.
- Safran 2010 – *Safran G.* Wandering soul: the Dybbuk's creator, S. An-sky. Harvard, 2010.
- Tsitsuashvili 2013 – *Tsitsuashvili L.* Cultural heritage of Georgian Jews: dedicated to the 80th anniversary of David Baazov History Museum of Georgian Jews. Tbilisi, 2013.
- Veidlinger 2016 – *Veidlinger J.* (Ed.) Going to the people: Jews and the ethnographic impulse. Indiana, 2016.
- Vetter 1995 – *Vetter M.* Antisemiten und Bolschewiki. Zum Verhältnis von Sowjetsystem und Judenfeindschaft 1917–1939. Berlin, 1995.
- Werner 2017 – *Werner C.* «Vor allem wies mir die Volkskunst den Weg»: Gabriele Münter im Kontext von Volkskunst als Inspiration, Sammelgegenstand und Stil // Gabriele Münter und die Volkskunst / ed. by N. Glockerl, S. Uhrig, C. Werner. München, 2017. P. 11–25.
- Wolitz 1987 – *Wolitz S.L.* The Jewish National Art Renaissance in Russia // Tradition and Revolution: The Jewish Renaissance in Russian Avant-Garde Art, 1912–1928 / Ed. by R. Apter-Gabriel. Jerusalem, 1987. P. 23–42.
- Yalen 2016 – *Yalen D.* After An-sky. I.M. Pul'ner and the Jewish section of the State museum of ethnography in Leningrad // Going to the people. Jews and the ethnographic impulse / Ed. by J. Veidlinger. Bloomington, 2016. P. 119–145.
- Zeltser 2007 – *Zeltser A.* The Belorussian shtetl in the 1920s and 1930s // Revolution, Repression, and Revival: The Soviet Jewish Experience / Ed. by Z.Y. Gitelman, Y. Ro'i. Lanham, 2007. P. 91–111.
- Zeltser 2011 – *Zeltser A.* Ethnic conflict and modernization in the interwar period: The case of Soviet Belorussia // Anti-Jewish Violence: Rethinking the pogrom in East European History / Ed. by J. Deckel-Chen. Indiana, 2011. P. 174–186.

On the Development of Jewish Museums and Jewish Ethnography in Ukraine, 1917–1941

Marina Shcherbakova (Heidelberg University, Germany)

M.A., Graduate student, Department of Eastern European History Lehrstuhl für Osteuropäische Geschichte,

Grabengasse 3-5, 69117 Heidelberg, Deutschland

E-mail: marina.shcherbakova@gmail.com

ID ORCID: 0000-0002-8773-583X

Abstract: The article explores the development of the Jewish museums and Ethnographic Studies of Jewish culture in the Soviet Ukraine within the framework of the state ethnic policies and local scholarly and cultural initiatives. After 1917, the state's gradually increased attention – as ambivalent as it was – to Jewish exhibitions can be seen in a number of projects conceived and in part realized in Kyev. The Mendele Moicher Sforim Museum of Jewish culture, opened in Odessa in 1927, was meant to become the central representation of the Soviet Jewish culture. However, despite the initial support of the Soviet administration, the change of the political situation in the early 1930s jeopardized the existence of the museum collections. Numerous displays of Judaica objects in local museums of Ukrainian towns provide insight into the role of the korenization (“giving roots”, indigenization) campaign and the legacy of the pre-revolutionary national movements. The article investigates the process of the museumization of Jewish culture in the interwar period as a confluence of factors of national identity, social construction, and relations between the center and the periphery.

Keywords: museum, collecting, ethnography, shtetl, Modernity, Ukraine, Odessa

DOI: 10.31168/2658-3364.2019.1.1.2

References

- Abramson H. A Prayer for the Government: Ukrainians and Jews in Revolutionary Times, 1917–1920. Cambridge, 1999.
- Anderson B. Imagined communities. London, 2006 [1991].
- Avrutin E.M. (Ed.). Photographing the Jewish nation. Pictures from S. Ansky's ethnographic expeditions. Brandeis, 2009.
- Bayer W. Die Beute der Oktoberrevolution. Über Zerstörung, Erhaltung und Verkauf privater Kunstsammlungen in der Sowjetunion, 1917–38 // Archiv für Kulturgeschichte. 1999. № 81 (2). P. 417–441.

- Beizer M. The Jews of the Soviet metropolis in the interwar period: The case of Leningrad // *Revolution, Repression, and Revival: The Soviet Jewish Experience* / Ed. by Z.Y. Gitelman, Y. Ro'i. Lanham, 2007. P. 113–130.
- Borisenok E.Iu. Fenomen sovetskoi ukrainizatsii: 1920–1930-e gody. Moscow, 2006.
- Bruk Ia.V. Iakov Kagan-Shabshai i ego Evreiskaia khudozhestvennaia galereia. Moscow, 2015.
- Bruk Ia.V. Iakov Kagan-Shabshai i Mark Shagal // *Biulleten' Muzeia Marka Shagala*. Vypusk 16–17. Vitebsk, 2009. S. 85–101. <http://chagal-vitebsk.com/node/229>
- Budnitskii O.V. Rossiiskie evrei mezhdubelymi i krasnymi. Moscow, 2005.
- Budnitskii O. Von Berlin aus gesehen – die Russische Revolution, die Juden und die Sowjetmacht // *Transit und Transformation: osteuropäisch-jüdische Migranten in Berlin 1918–1939* / Ed by V. Dohrn. Göttingen, 2010.
- Boreev L. Muzei Stepovoi Ukrainy // *Izvestiia Odesskogo okruzhnogo KP(b)U, Okrispolkoma i OSPS*. 27 dekabria 1927 g. Cogniat R.J. Ryback. Paris, 1934.
- Dekel-Chen J. “New” Jews of the agricultural kind: A Case of Soviet Interwar Propaganda // *The Russian Review*. 2007. Vol. 66. No. 3. P. 424–450.
- Dobrenko E.A. Politekonomiia sotsrealizma. Moskva, 2007.
- Dovidnik z istorii Ukraïni. Pod red. I.Z. Pidkovoï, R.M. Shusta. Kiyv, 2002.
- Dymshits V.A. Istoricheskii shans. Sozdanie evreiskikh avtonomii v Krymu, na Ukraine i na Dal'nem Vostoke v 1920–1930-kh gg. // *ORT – OZET. Sozdanie evreiskikh avtonomii v SSSR*. www.ozet.ort.spb.ru/rus/index.php?id=476.
- Dymshits V.A. Pervyi evreiskii muzei v Rossii // *Fotoarkhiv ekspeditsii An-skogo: Volyn', Podoliia, Kievshchina, 1912–1914*. St. Peterburg, 2009.
- Estraikh G. The Yiddish Kultur-Lige // *Modernism in Kyiv* / Ed. by I.R. Mkaryk, V. Tkacz. Toronto, 2010. P. 197–217.
- Evreiskoe mestechko v revoliutsii // Pod red. V.G. Tan-Bogoraza. Moskva, 1926.
- Gordon D.E. Deutscher Expressionismus // *Primitivismus in der Kunst des zwanzigsten Jahrhunderts* / Ed. by W. Rubin. München, 1984. S. 378–416.
- Ivanov A.I. «Evrei v tsarskoi Rossii i v SSSR» – vystavka dostizhenii evreiskogo khoziaistvennogo i kul'turnogo stroitel'stva v Strane Sovetov // *NLO*. 2010. № 102; <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/102/iv14-pr.html>.
- Kan S. «My old friend in a dead-end of empiricism and skepticism». Bogoras, Boas, and the politics of Soviet anthropology of the late 1920s – early 1930s // *Histories of anthropology annual*. 2006. № 2. P. 33–69.
- Kan S. «To study our past, make sense of our present and develop our national consciousness». Lev Shternberg's comprehensive program for Jewish ethnography in the USSR // *Going to the people. Jews and the ethnographic impulse* / Ed. by J. Veidlinger. Indiana, 2016. P. 64–85.
- Karpov Iu.Iu. Natsional'naia politika Sovetskogo gosudarstva na severokavkazskoi periferii v 20–30-e gg. XX v.: evoliutsiia problem i reshenii. St. Peterburg, 2017.
- Kazovskii G.I. Khudozhniki Kul'tur-Ligi. Moskva; Ierusalim, 2003.

- Khlevniuk O.V. Stalin: Zhizn' odnogo vozhdia. Biografiia. Moscow, 2015.
- Khmelevskaia Iu.Iu. Istoriki i «poleznoe proshloe»: K voprosu o distsiplinarykh granitsakh i distsipliniruiushchikh funktsiakh istorii v sovremennom obshchestve // Vestnik Permskogo universiteta. Perm', 2016. № 1 (32). P. 162–173.
- Kilcher A., Safran G. (Eds). Writing Jewish culture: paradoxes in ethnography. Bloomington, Indiana, 2016.
- Kleinmann Y. Neue Orte – neue Menschen: jüdische Lebensformen in St. Petersburg und Moskau im 19. Jahrhundert. Göttingen, 2006.
- Kostyrchenko G. Tainaia politika Stalina: Vlast' i antisemitizm. Moskva, 2001.
- Kotliar E.A. Evreiskie muzei pervoi treti XX veka (L'vov – St. Peterburg – Odessa – Kiev) // Visnik KhDADM. 2009. № 2. Vyp. 12. S. 113–133.
- Kratkaia evreiskaia entsiklopediia. Ierusalim, 1996.
- Kupovetskii M.S. Poslednii sovetskii natskadr Aron Vergelis: Osnovnye etapy sotsializatsii do 1948 goda // Idish: Iazyk i kul'tura v Sovetskom Soiuze / Pod red. L. Katsisa, M. Kaspinoi, D. Fishmana. Moskva, 2009.
- Levin Z. Collectivization and social engineering. Soviet administration and the Jews of Uzbekistan. 1917–1939. Leiden, 2015.
- Lukin B. «An Academy Where Folklore Will Be Studied». Ansky and the Jewish Museum // Worlds of S. An-sky. A Russian Jewish Intellectual at the Turn of the Century / Ed. by G. Safran, S. Zipperstein. Stanford, 2006. P. 281–306.
- Lukin B. Traditional Jewish art and Ukrainian art historians. Collections, preservation, and research in the Czarist, Soviet and post-Soviet periods / Ed. by W. Moskovich, A. Rodal. Jerusalem, 2016. P. 234–253.
- Martin T. The affirmative action empire: Nations and nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca, 2001.
- Meidler-Waks S. Die Pogromserie von Issachar Ber Ryback // Berlin Transit: Jüdische Migranten aus Osteuropa in den 1920er Jahren / Ed. by G. Pickhan, V. Dohrn. Berlin, 2012. P. 37–44.
- Melamed E.I. Po sledam arkhiva Kul'tur-Ligi // Paralleli: russko-evreiskii istoriko-literaturnyi i bibliograficheskii al'manakh. Moskva, 2015. № 13–14. S. 108–117.
- Miller A.I. Dualizm identichnostei na Ukraine // Otechestvennye zapiski. 2007. № 34 (1). S. 84–96.
- Odeser arbeter 1927 – Helft mit boyen dem yidishn muzey in Odes // Odeser arbeter. 1927. № 6–7. P. 17.
- Ot klassikov k marksizmu: soveshchanie etnografov Moskvyy i Leningrada (5–11 apreliia 1929 g.) / Pod red. D.V. Arziutova, S.S. Alymova, D.Dzh. Andersona. St. Peterburg, 2014.
- Ovchinnikova T.V. Muzeinoe stroitel'stvo v 1917–1927 gg. // Khudozhestvennoe nasledie: Khranenie, issledovanie, restavratsiia. Moskva, 1994. № 15. P. 47–60.

- Penter T. Kognitive Topographien 2017 – Odessas Juden zwischen kollektiver Selbsterfindung und nationalem Erwachen // Jahrbuch des Simon-Dubnow-Instituts. 2003. № 2. S. 267–292.
- Penter T. Die Oktoberrevolution in der Peripherie: das Beispiel Ukraine // Jahrbuch für historische Kommunismusforschung. 2017. № 10. S. 99–116.
- Paips R. Kommunizm. Moscow, 2002.
- Popova L.I. Okhrana pamiatnikov kul'tury i iskusstva na Ukraine v 1917–1941 gg. // Khudozhestvennoe nasledie: Khranenie, issledovanie, restavratsiia. Moskva, 1994. № 15. S. 83–126.
- Rubin W. Der Primitivismus in der Moderne: eine Einführung // Primitivismus in der Kunst des zwanzigsten Jahrhunderts / Ed. by W. Rubin. München, 1984.
- Safran G. Wandering soul: the Dybbuk's creator, S. An-sky. Harvard, 2010.
- Sergeeva I.A. Etnograficheskie ekspeditsii Semena An-skogo v dokumentakh // Paralleli: russko-evreiskii istoriko-literaturnyi al'manakh. Moskva, 2003. № 2–3. S. 97–124.
- Shekhtman I.B. Evreiskaia obshchestvennost' na Ukraine (1917–1919 gg.) // Kniga o rusском evreistve: 1917–1967 / Pod red. Ia. G. Frumkina, G.Ia. Aronsona, A.A. Gol'denveizera. Ierusalim; Moskva, 2002. S. 32–53.
- Shcherbakova M. Iu. Dnevnik S. An-skogo kak kul'turno-istoricheskii istochnik // Muzei, traditsii, etnichnost'. St. Peterburg, 2013. № 2(4). S. 129–136.
- Slezkin Iu. Sovetskaia etnografiia v nokdaune. 1928–1938 // Etnograficheskoe obozrenie. 1993. № 2. S. 113–125.
- Solodova V.V. Sud'ba muzeia. http://judaica.kiev.ua/old/Eg_10/Eg22.htm
- Trotskii I.M. Evreiskie pogromy na Ukraine i v Belorussii, 1918–1920 gg. // Kniga o rusском evreistve, 1917–1967 / Pod red. Ia. G. Frumkina, G.Ia. Aronsona, A.A. Gol'denveizera. Ierusalim; Moskva, 2002. S. 66–80.
- Tsitsuashvili L. Cultural heritage of Georgian Jews: dedicated to the 80th anniversary of David Baazov History Museum of Georgian Jews. Tbilisi, 2013.
- Uritskaia L.B., Iakerson S.M. Evreiskie sokrovishcha Peterburga: ashkenazskie kollektsii Rossiiskogo etnograficheskogo muzeia. St. Peterburg, 2009.
- Veidlinger J. (Ed.) Going to the people: Jews and the ethnographic impulse. Indiana, 2016.
- Vetter M. Antisemiten und Bolschewiki. Zum Verhältnis von Sowjetsystem und Judenfeindschaft 1917–1939. Berlin, 1995.
- Werner C. «Vor allem wies mir die Volkskunst den Weg»: Gabriele Münter im Kontext von Volkskunst als Inspiration, Sammelgegenstand und Stil // Gabriele Münter und die Volkskunst / Ed. by N. Glockerl, S. Uhrig, C. Werner. München, 2017. S. 11–25.
- Wolitz S.L. The Jewish National Art Renaissance in Russia // Tradition and Revolution: The Jewish Renaissance in Russian Avant-Garde Art, 1912–1928. Ed. by R. Apter-Gabriel. Jerusalem, 1987. P. 23–42.

- Yalen D. After An-sky. I.M. Pul'ner and the Jewish section of the State museum of ethnography in Leningrad // Going to the people. Jews and the ethnographic impulse / Ed. by J. Veidlinger. Bloomington, 2016. P. 119–145.
- Zeltser A. The Belorussian shtetl in the 1920s and 1930s // Revolution, Repression, and Revival: The Soviet Jewish Experience / Ed. by Z.Y. Gitelman, Y. Ro'i. Lanham, 2007. P. 91–111.
- Zeltser A. Ethnic conflict and modernization in the interwar period: The case of Soviet Belorussia // Anti-Jewish Violence: Rethinking the pogrom in East European History / Ed. By J. Deckel-Chen. Indiana, 2011. P. 174–186.